Лазарь, или Путешествие смертника

Автор:
Андрей Дашков

Лазарь, или Путешествие смертника

Андрей Георгиевич Дашков

Диагноз неутешителен – главный герой узнает, что ему осталось жить считаные недели. Отклонив предложение провести остаток дней в хосписе, он выходит из больницы и садится в прибывшее по вызову такси… С этого момента начинается борьба за его душу между различными мистическими силами, которых олицетворяют таксист, представившийся Вороном, и другие спутники, являющиеся в разных человекоподобных обличьях. Герой совершает странное путешествие в поисках утраченного смысла, в погоне за ускользающей жизнью и стремительно исчезающим временем. При содействии таксиста-проводника, чье присутствие еще сильнее сбивает с толку, Лазарю предстоит побывать в местах, которые кажутся порой искаженными проекциями его памяти, надежд, видений и представлений о лучшем или худшем мире, о земном рае и преисподней. Всякий раз его ожидает болезненное отрезвление. Но терять герою нечего, и он до последнего цепляется за шанс обрести если не спасение, то хотя бы немного утолить мучительную жажду подлинной жизни.

Андрей Дашков

ЛАЗАРЬ,

или

ПУТЕШЕСТВИЕ СМЕРТНИКА

Глава 1. Доктор Смерть

Ему пришлось два часа ждать приговора в больничном коридоре. Позже он подумал, что пара часов – это все равно меньше, чем длилось бы любое судилище. Так что ему, можно сказать, повезло. Несколько раз он вставал и ходил туда-обратно, разминая ноги, читал развешанные на стенах плакаты, не вникая в смысл. В его положении были определенные преимущества – он уже не нуждался в советах врачей.

Поначалу Лазаря раздражал больничный запах. Потом он привык, как привыкал ко всему, и к запаху, и к надутым от сознания собственной важности медсестрам, и к унылому виду за окнами. Он представлял себе минуту, когда придется услышать кое-что важное и окончательное о своей жизни. Прикидывал, сколько раз подобная ситуация использовалась для достижения драматического эффекта, а значит, в конечном итоге для развлечения. Два-три фильма, несколько книг – это только по его личному счету. И черта лысого он научился хоть чему-нибудь или хотя бы почувствовал нечто подобное тому, что испытывал сейчас. Выходит, просто потерял время.

За два часа по коридору прошло немало людей. У некоторых из них почти наверняка был тот же диагноз, что и у Лазаря. Он не имел ни малейшего желания общаться с собратьями по несчастью. Говорят, вычислить помеченных смертью легко, но, может быть, они научились скрывать свои истинные чувства так же хорошо, как здоровые или мнящие себя здоровыми. В любом случае это означало неизбежно фальшивую игру, даже если выглядело «естественно». Однако до определенного момента все продолжали ломать комедию. И он тоже.

Пока он ждал, к нему обратились дважды. В первый раз уборщица, мывшая полы, попросила его пересесть. В другой раз вопрос застал его на пути от стены к стене, и звучал он так:

– Ты меня не узнаешь?

Лазарь медленно обернулся и увидел перед собой женщину средних лет. Дорогой костюм, тонкий парфюм, настоящий жемчуг и слезящиеся глаза. Признаки старения были умело замаскированы макияжем, но химиотерапия сделала свое дело.

С большим трудом он вспомнил бывшую одноклассницу. Понадобилось время, чтобы сопоставить лица, даты, имена – все-таки четверть века прошло. Ему казалось, что сам он внешне изменился не слишком сильно. Все скопившееся за эти годы дерьмо было, как он надеялся, спрятано достаточно глубоко. А тут перед ним возникло живое (пока еще) свидетельство того, что позади не просто большая и лучшая часть жизни, – позади уже почти все. Пожалуй, это было излишне. Вдруг он почувствовал: она могла принести и ему последнюю беду. Или отдать свою.

– Нет, – сказал он. – В первый раз вижу.

Женщина ухмыльнулась, пытаясь вложить в ухмылку сарказм или презрение, но получилась только жалкая гримаска. Ему было все равно. То, что он видел сейчас, и то, что хранилось в памяти, отличалось разительно. Кажется, он даже хотел когда-то – не ее, конечно, – ту девушку. Трудно представить. С некоторых пор желания покинули его, хотя физически он еще не окончательно потерял форму.

Лазарь отвернулся и двинулся дальше размеренным шагом человека, которому некуда спешить. Линолеум мерзко попискивал под ногами. За окнами начинало темнеть и падал дождь. Хороший вечер, чтобы напиться. Наверное, он так и сделает… вне зависимости от того, что скажет ему эскулап. Повод у него уже есть – не важно, какой именно.

* * *

Доктор Гринберг выглядел в точности так, как должен выглядеть пресс-секретарь стервы судьбы. Солидный, уверенный в себе, с умным лицом и красивой сединой. Вызывающий доверие. Не бросающий слов на ветер. Знающий себе цену и пару языков в придачу. Правда, с прозвищем ему немного не повезло (хотя – как посмотреть). За глаза его называли Доктор Смерть.

Поскольку сообщать плохие новости было его профессиональной обязанностью, он научился делать это с абсолютно нейтральным видом, словно включал диктофон на воспроизведение. Надо отдать ему должное, столь же отстраненно он сообщал хорошие новости. Правда, такое случалось не часто. Не настолько часто, чтобы привыкнуть.

Поскольку до последней секунды пациент не знал, каков будет результат (или обманывал себя, думая, что не знает), это превращалось в нечто похожее на ритуал предсказания – только вместо безмозглой птички или сомнительной гадалки перед ним находился непогрешимый человекоподобный автомат Доктор Смерть. Говорят, даже азарт какой-то появлялся – впрочем, ненадолго.

* * *

Сколько Лазарь себя помнил, ему ни разу и ни в чем не удалось стать счастливым исключением. Завидев доктора Гринберга в конце коридора, он ничего не почувствовал. Вообще ничего. Может быть, слишком долго готовился к худшему. Во всяком случае, частота его пульса в преддверии решающего момента не изменилась ни на один удар.

Доктор прошел в свой кабинет, кивнув в знак приветствия, но даже не подумав извиниться за опоздание. А ведь Лазарь находился в таком положении, когда месяцы не стоят ничего, но минуты стоят дорого. Некоторые поистине бесценны… Он толкнул дверь из толстого матового стекла и сразу направился к стулу для посетителей. Уселся, всем своим видом говоря: давайте поскорее закончим с этим.

Доктор Гринберг прекрасно понял его без слов. Он не стал тянуть резину и жевать сопли. Вытащил из лежавшей на столе небольшой стопки бумаг медицинскую карту, из которой торчало несколько рентгеновских снимков. То, что ему предстояло озвучить, было всесторонне и исчерпывающим образом аргументировано. Он никогда не позволил бы себе ничего другого. Его незапятнанная репутация могла служить гарантией: окончательный диагноз столь же верен, как то, что записано под диктовку Господа Бога.

Выслушав короткое сообщение – информация в чистом виде, лишенная интонационных завитушек, – Лазарь задал только один вопрос:

– Сколько?

Доктор Смерть и тут не изменил своим правилам. Без ложного сочувствия он всегда называл минимальный срок. Лазарь был заранее благодарен ему за тактичность.

– Четыре месяца. Я позвоню директору хосписа.

– Спасибо, но это лишнее, – сказал Лазарь, вставая, и направился к выходу.

Доктор Смерть смотрел ему вслед до тех пор, пока не закрылась дверь и не исчез темный силуэт за матовым стеклом. После этого он снял трубку элегантного аппарата цвета «шампань» и набрал номер, который не имел никакого отношения к хоспису.

Когда произошло соединение, Доктор Смерть, не называя себя, произнес несколько слов.

Глава 2. Таксист

Выйдя из больницы, Лазарь остановился на верхней ступени лестницы и вдохнул полной грудью, словно хотел вобрать в себя этот умирающий день, рыдающее небо, позднюю осень жизни и конец всех надежд. Никакой патетики – просто надо было что-то срочно скормить боли, которая уже ворочалась в тесной черепной коробке подобно просыпающемуся зверю. Лазарь знал: дальше будет хуже. То, что пожирает его, насытить невозможно.

Рука привычно нащупала в кармане пузырек с капсулами, которые могли бы ненадолго отсрочить неизбежное, однако он напомнил себе, что есть средство и получше. Если поторопиться, можно добраться до какого-нибудь уютного теплого бара, прежде чем боль станет нестерпимой. Напиться. Но только не здесь. Сначала надо убраться подальше из этого темного угла города, где все заканчивается и ничего не начинается – нет даже ни одной транзитной дороги.

В тот самый момент, когда он все решил и сделал шаг, спустившись на одну ступеньку, прямо перед ним остановилось такси. Что-то странное было в этой машине, и он не сразу понял – что. Словно разглядываешь слегка размытую фотографию, сделанную через намеренно расфокусированный объектив. Пока Лазарь пытался сосредоточиться на какой-либо детали, другие непонятным образом ускользали от внимания. В то же время ему отчего-то пришло в больную голову, что эта тачка сконцентрировала в себе его смутные воспоминания обо

всех такси, которые он когда-то видел в жизни или в кино, на которых ездил или о которых, например, читал, – и сейчас медленно пережевывала их у него на глазах. Оттого и возникло слегка тошнотворное чувство, точно он взглядом мнет пластилин.

В общем, Лазарь все списал на счет своего перерождающегося в дерьмо серого вещества. Весьма вероятно, что вскоре ему будет чудиться и не такое. К тому времени такси более всего напоминало «чекер» – вместительный и тяжелый седан грязно-желтого цвета. Поскольку из машины никто не вышел, Лазарь решил, что эта рухлядь прибыла по вызову.

Следующий его шаг оказался на редкость неудачным. Наверное, смотрел не туда и наступил на ком влажной земли под налипшими листьями. Подошва соскользнула, опорная нога неловко подвернулась. Руки были в карманах, что помешало вовремя перераспределить вес. «По-дурацки вышло», – мелькнула мысль, когда скрученное до боли в пояснице тело устремилось навстречу мокрому асфальту.

Спустя секунду Лазарь уже лежал на спине, зажатый между передним колесом такси и нижней ступенькой лестницы, в соприкосновение с которой его голова не пришла лишь каким-то чудом. Дождь лил прямо в лицо. Он пытался понять, все ли кости целы. Оказывается, у судьбы еще не иссякло чувство юмора. Оставалось выяснить, какую из шуток она пустила в ход на этот раз. Лазарь даже улыбнулся, прокручивая самый черный вариант – провести оставшиеся четыре месяца в гипсе, прикованным к больничной койке.

Хлопнула дверца, машина качнулась, когда водитель выбрался из нее. Потом Лазарь увидел темный силуэт на фоне неба – огромный, почти монументальный. Впрочем, все зависело от точки зрения. Его точка находилась ниже некуда. Ему помогли сесть – оказалось, он по-прежнему держит руки в карманах. С чужой помощью он кое-как встал на ноги, чувствуя себя вывалявшимся в грязи, но не так уж сильно пострадавшим. Похоже, четыре месяца он все-таки проведет иначе…

– Осторожнее, приятель, – сказал таксист. Выглядел он молодо, а голос имел старый, отчего-то наводивший на мысли о хриплом вороньем карканье и голых деревьях в тумане.

– Ничего, – отозвался Лазарь. – Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Ему стало тошно от самого себя. Изредка испытывая благодарность, он говорил больше, чем надо.

– Тебя не повесят, – совершенно серьезно сказал таксист. – В этой стране давно уже не вешают. А жаль.

В голове у Лазаря, явно страдавшего в последние минуты от избытка воображения, возникло новое, на удивление яркое видение: виселица из бревен, болтающиеся на ней бледные тела и – по контрасту – очень черные птицы. Мимолетная картинка внушала уверенность: и те, и другие наконец получили свое.

Он осмотрел себя – джинсы ниже колен и пальто были испачканы, но не фатально; если не приглядываться, он сохранил достаточно презентабельный вид, чтобы не портить себе вечер возвращением домой, в стены, среди которых поселились его кошмары, медленно перетекавшие в реальность.

Выровнявшись, он встал лицом к лицу с таксистом. Тот находился очень близко; они были одинакового роста. Лазарь впервые видел такие черные глаза. Если бы не едва заметный влажный блеск, могло показаться, что на глазные яблоки наклеены черные кружки. «Не слишком ли много тебе кажется?» – спросил он себя. Ответ он знал. Но все-таки из-за видимого отсутствия зрачков он затруднялся определить, куда направлен взгляд таксиста – предполагаемый скрытый взгляд человека в темных очках, однако никаких очков не было. Это порождало неудобное, тревожное ощущение…

– Садись, – сказал таксист, открывая дверцу со стороны пассажира. – Кое-кто хочет тебя видеть.

Лазарь не признавал панибратства и с трудом устанавливал новые контакты, особенно в последнее время, однако перейти с таксистом на «ты» оказалось легко и естественно.

– Но ты не спросил меня, хочу ли я видеть кое-кого.

– Это не имеет значения, – пожал плечами таксист. – Я отвезу тебя, куда скажешь. Остальное – не мое дело.

– Хочешь сказать, тебя за мной прислали?

– Нет, я подбираю падших.

Прозвучало это двусмысленно, но второй смысл ускользал, оставляя простор для догадок.

– Благотворитель, значит.

– Не валяй дурака, Лазарь. – Казалось, таксист вот-вот зевнет от скуки. – Обсохнешь в машине, выпьешь кофейку, согреешься. Погода собачья.

С этим трудно было спорить. Лазарь и не собирался.

– Откуда ты меня знаешь?

– Ты мой клиент.

Произнесено так, как будто это что-то объясняло. Лазарь хотел осведомиться, с кем имеет дело, но к тому времени голова у него намокла, словно он побывал под душем, пальто отяжелело и ощутимо давило на плечи, холод подбирался к мясу на костях, и он сказал себе: «Какая разница?». И понял, что это станет его девизом на оставшуюся жизнь.

Ничто больше не имело особого значения. Могло случиться что угодно. Могло быть хуже. И, наверное, будет хуже. Но недолго.

И в этом он находил единственное доступное ему утешение.

* * *

Лазарь действительно получил обещанный кофе в небьющейся кружке, притом отлично сваренный – крепчайший и почти обжигающий. Он не стал спрашивать,

откуда такой взялся. В салоне было тепло; по радио передавали что-то карибское. Он с удобством расположился на просторном диване. Такси плавно катилось сквозь дождь. Размываемый водой город скользил мимо, словно ненавязчивый сон.

В какой-то момент Лазарь обнаружил, что боль уже не напоминает о своем приближении ударами колокола, от которых череп наполнялся тяжелым гулом. Возможно, дело было в кофе. Пользуясь дарованной передышкой, он искоса поглядывал на парня, сидевшего слева. Смуглая кожа, крупный заостренный нос, темные блестящие волосы. Ногти на руках длинные, изогнутые и почти синие. Правое запястье охвачено серебряным браслетом с надписью на незнакомом Лазарю языке. Он даже вряд ли сумел бы сказать, что это за алфавит. Красивая штука и на вид очень старая.

Они проезжали по улицам с оживленным движением, миновали не один десяток перекрестков, и все это время таксист сидел, уставившись прямо перед собой. Двигались только руки. Наконец до Лазаря дошло то, что более наблюдательный или менее равнодушный к чужим странностям человек понял бы давно: за рулем «чекера» находился слепой.

Поскольку тот до сих пор неплохо справлялся с вождением, сделанное открытие не слишком обеспокоило Лазаря. Вернее, он осознавал, что если у него и появилась новая проблема, то во всяком случае не связанная с возможной аварийной ситуацией на дороге. Такие вещи были хороши тем, что иногда заслоняли собой неизлечимую болезнь и назначенную смерть.

Лазарь не утруждал себя размышлениями о том, чем природа снабдила парня в виде компенсации. И даже если все это – галлюцинация, он собирался и дальше следовать внутренней логике иллюзии, пока она избавляла его от приступов жутчайшей боли.

Такси остановилось в пробке на узкой улице с односторонним движением. Они въехали в район старого города, и «чекеру» тут было особенно тесно. В салоне стало душновато, Лазарь опустил стекло, но уличный шум быстро надоел ему. Покопавшись в своих ощущениях, он пришел к выводу, что предпочел бы напиваться не в одиночестве. Перебрав приятелей и бывших женщин, он по тем или иным причинам отбросил все кандидатуры до единой. Ему не с кем было разделить беду. Честно говоря, он этого и не хотел. Мысли плавно перетекли на другое: что станет с его трупом? Он слабо представлял себе, кто окажет ему

последнюю услугу и займется похоронами – пусть даже за его счет. Завещать тело какому-нибудь заведению, чтобы в его внутренностях копались студенты-недоучки и устраивали розыгрыши, используя его отрезанный член? Нет уж, увольте. Если бы все зависело от него, он выбрал бы смерть где-нибудь в овраге, подальше от людских глаз. Но от него зависело далеко не все. И даже эти рассуждения годились до тех пор, пока он мог передвигаться самостоятельно. Он не хотел никого раздражать, создавать проблемы, не хотел, чтобы его проклинали или жалели. Почему-то у слонов хватает силы и достоинства вовремя уйти из стада, чтобы умереть в одиночестве…

Тут он заметил, что водитель кружит по улицам, словно давая ему возможность определиться с планами на вечер. Вежливый парень.

– Так кто там жаждал меня видеть?

– Не видеть. Поговорить.

– Ладно, поговорить.

– Хозяин.

– Твой?

– И твой тоже.

– У меня нет хозяина.

Если ухмылка могла быть одновременно скептической и безмерно снисходительной, то таксист продемонстрировал Лазарю именно такую.

– Ты действительно в это веришь?

– Напомни, как его зовут.

– Достаточно того, что хозяин знает твое имя.

– Значит, так. Сейчас я буду пить. Много и долго. Ты можешь ждать, а можешь проваливать. В любом случае сегодня мне не до бесед с твоим хозяином.

– Твои желания не имеют значения. Хозяин встретит тебя, куда бы ты ни пошел.

– Ого. Ты, случаем, не из секретной службы?

– Это было бы слишком просто, правда? И еще одно: не льсти себе, Лазарь. Не ты нужен хозяину; хозяин нужен тебе.

– Да плевать мне на него и на тебя тоже, – бросил Лазарь, раздражаясь. – Останови-ка тут.

Он ожидал, что не отделается так сразу, однако таксист без возражений припарковался, едва втиснув «чекер» между темным фургоном с надписью «Маканда. Агропромышленный концерн. Фрукты, мясопродукты, удобрения» и серебристой легковушкой, на зеркале заднего вида которой болталась игрушечная розовая свинья.

– Сколько с меня? – буркнул Лазарь, шаря взглядом по салону в поисках счетчика.

– Ты за все заплатишь потом, – сказал таксист без тени угрозы. Это была простая констатация факта.

Тем лучше. Для Лазаря слово «потом» приобрело смысл пожизненной льготы. Он выбрался на тротуар и поспешил под навес над входом в ближайший магазин. Дождь по-прежнему лил так, словно кто-то на небесах решил выплакаться на десяток лет вперед. В магазин он заходить не стал, а направился к вывеске «Луна и грош», которую завидел издалека.

Внутри у него было черно и пусто. Требовалось заполнить чем-нибудь эту раскаленную тьму, чтобы еще хотя бы раз почувствовать себя живым. Пока же он ощущал себя выгоревшим изнутри манекеном, который двигается то ли по недоразумению, то ли по непонятной прихоти судьбы.

Глава 3. От тюрьмы и от сумы…

Он вошел в бар и оглядел полутемное помещение. Здесь ему бывать не приходилось, но у него появилась уверенность, что все оставшееся время он посвятит восполнению многочисленных пробелов. И деньги больше не были осью, вокруг которой поневоле вертелось все. Он уже просто не успеет стать нищим – это снимало некоторые прежние ограничения.

С неостывшим предвкушением он воззрился на мерцавшую отраженным светом батарею бутылок над стойкой бара – словно на хрустальный корабль, на котором сможет добраться до острова, где нет ни времени, ни памяти, ни обстоятельств. Бар был заполнен примерно наполовину; из смежного помещения, отделенного старомодным бамбуковым занавесом, доносился перестук бильярдных шаров. Лазарь взял бутылку коньяка, рюмку и прошел к столику у зашторенного окна, на котором стояла лампа с винно-красным абажуром. Выбранное место казалось достаточно обособленным, при этом почти все заведение было на виду, а если отодвинуть штору, за мокрым стеклом становились видны фонари, огни и силуэты прохожих, еще не смытых с улиц потопом.

В какой-то момент Лазарь заметил боковым зрением тень, мелькнувшую совсем близко. Повернувшись, он увидел птицу – это был ворон, классический corvus corax, которого в городе, пожалуй, и не встретишь. Разве что в зоопарке или в Музее природоведения в печальном качестве чучела. Ворон находился по ту сторону двойного стекла. Сложив крылья, он неподвижно воссел (может быть, из-за отсутствия бюста Паллады) на уступе, образованном стеной и цоколем, и Лазарь хорошо различал непроницаемый зрачок его глаза – блестящую, черную, бесконечно глубокую воронку, уводящую в бездну суеверий, ассоциаций и архетипов. На мгновение даже улица показалась ему устланной иссиня-черными перьями, но стоило моргнуть, как птица исчезла.

Лазарь спросил себя, что бы это значило. Слишком уж много отклонений от серой проповеди скуки в течение одного дня, хотя денек, надо признать, выдался необычный. Он все еще склонен был считать флуктуации бессмыслицы некой призовой игрой больного разума, утешительной компенсацией за утраченное душевное здоровье, которое не принесло ничего, кроме разочарований.

Спустя полчаса он по-прежнему чувствовал себя до отвращения трезвым. Изрядная доза алкоголя плескалась в желудке, но с желанной легкостью бытия Лазарь разминулся. Возможно, причина заключалась в лекарствах, которые он глотал в последнее время, но скорее всего – в другом. Что-то не пускало его на свет из темной комнаты без мебели и людей, где он упорно искал свою черную кошку.

Безуспешно пытаясь напиться за столиком на двоих, он гадал, нужен ли ему кто-нибудь, чтобы сидел напротив, а если нужен, то кто: умная шлюха, профессиональный пьяница – философ стакана, или старый друг, который давно уехал в другую страну и принадлежал другой жизни. Нет, нужен кто-то, способный выдернуть Лазаря из него самого, будто из старого изношенного костюма. Энергия разрушения бурлила в нем, побуждала идти крушить все подряд, и единственное, что удерживало его на месте, это столь же сильное ощущение бессмысленности любых деяний.

Тут он увидел женщину, одетую во все черное, но выглядела она кем угодно, только не вдовой. Скорее уж любовницей Дракулы – при условии, что последнего можно было заподозрить в мазохизме. Совершенно внятное и несомненное чувство опасности пронзило Лазаря подобно игле, вошедшей через темя и застрявшей в позвоночном канале. Раньше он благоговел перед силой – не той, что заключена в килограммах мышц или в отчасти успокоительной тяжести оружия, а той, что заставляла его отводить глаза, когда он случайно встречался взглядом с незнакомцем посреди толпы, вроде бы гарантировавшей безопасность по закону больших чисел. В такие секунды он осознавал крайнюю хрупкость всего сущего и в том числе собственного жалкого картонного «я»; на самом деле его относительное благополучие держалось на тонкой нити, готовой оборваться в любой момент; дикость, жестокость, безумие поджидали за ближайшим углом; мир являлся чьей-то злой шуткой, и вдобавок этот «кто-то» был начисто лишен вкуса.

Не обладавший подлинной внутренней силой и потому переполненный агрессией, Лазарь думал, что именно сила является единственной ценностью и единственным топливом, способным сдвинуть с места его затертое льдами и обездвиженное суденышко без порта приписки, без груза, без команды и без пассажиров. Сила по крайней мере превратила бы его в «Летучего голландца», в птицу, отправленную в полет, не сулящий возврата, в вестника новой беды. А так он оставался почти непрерывной чередой стоп-кадров, фигурой, перетаскиваемой с места на место в пассивном залоге, жертвой еще не

совершенных наяву преступлений против свободы личности.

Теперь, когда смерть стала фактором, с которым приходилось считаться, он ждал ее, как животное, завороженное светом фар на ночной дороге. Нет, его положение было хуже – ведь не существовало спасительной лесной тьмы в нескольких метрах слева и справа. Только слепящая боль, и ожидание удара, и невнятные сожаления о том, что не стоило сожалений.

Женщина в черном направлялась прямо к нему обманчиво ленивой походкой. У нее была фигура андрогина, неуязвимая для оценок, как символическое изображение чего-то, выходящего за пределы видимости. Лицо – маска мрачного совершенства, на вид более надежная, чем пуленепробиваемое стекло, но все-таки женская маска, пусть даже и позаимствованная из неведомого ему пантеона комиксов.

Лазарь вынужден был признать, что произошло вторжение чего-то неординарного в постылую реальность, которую он выхолостил до состояния пустыни случайностей безо всяких там сверхсущностей, зато перенаселенную братьями по разуму, коих основной инстинкт заставлял истреблять и калечить себе подобных.

– Где ворон? – спросила она, не утруждая себя ритуалом знакомства.

Он попытался посмотреть ей в глаза, но это вызывало сильнейший дискомфорт – все равно что заглядывать в отверстия, из которых в любой момент могли выстрелить подпружиненные клинки. Ослепнуть было бы для него слишком тяжелым ударом. В результате он ограничился тем, что уставился в некую точку слева от ее лица, однако по-прежнему испытывал мучительное неудобство, что-то вроде стыда, как будто она застала его за непотребным занятием. Немного позже он понял, что этим занятием была жизнь.

– Откуда мне знать? – спросил он, оттягивая время. Но для чего? Он чувствовал себя школьником, который должен знать ответ, но не выучил урока. Он буквально кожей ощущал на себе ее взгляд, словно ядовитую жгучую слюну. За этим крылось какое-то наваждение, ведь он наивно полагал, что несколько часов назад приобрел иммунитет против любых враждебных влияний, получил пропуск в клуб неприкасаемых, членство в котором обещало недолгое, зато окончательное освобождение. Как видно, он ошибался, а это было обидно, по-

настоящему обидно. Надо же: избавиться от опасений по поводу сохранности своей шкуры – и все равно сдохнуть тварью дрожащей…

Она уселась напротив. В каждом ее движении сквозила уверенность в том, что он никуда не денется. И он действительно оставался на месте, хотя испытывал сильнейшее желание оказаться на свежем воздухе и подальше отсюда. Облаченная в матовую черноту, будто во вторую, третью и так далее, кожу, сквозь которую вблизи неожиданно проступали тонкие золотые прутья, эта невозможная женщина казалась заключенной в гибкую клетку, совпадающую с границами тела, клетку, которую всюду носила с собой, прозрачную аллегорию тенет плоти.

Внезапно она протянула руку и опустила заостренный указательный палец в неполную рюмку, из которой пил Лазарь. Сделала легкое помешивающее движение. Этого оказалось достаточно, чтобы коньяк потемнел, загустел и превратился в темно-багровую вязкую жидкость с характерным запахом. Вытащила палец – к ее коже эта жидкость не приставала.

– Спокойно, Тюрьма, спокойно, – произнес уже знакомый голос у Лазаря за спиной. – Причаститься он еще успеет, но сегодня он не твой.

Невесть откуда взявшийся таксист ногой подтолкнул стул к столику Лазаря, затем уселся, положив руки на зеленую скатерть. В его невидящих глазах повисли крохотные отражения абажура.

– Так и поняла, как только увидела твою тачку. – Лицо женщины, которую назвали Тюрьмой, осталось невозмутимым, однако в тоне сквозило легкое разочарование. – Везде успеваешь…

– Работа такая.

– Для кого работа, для кого – сплошное удовольствие.

– Тебе виднее.

– Вот это точно.

Загадочный для Лазаря диалог был, возможно, ничего не значащей болтовней, которую по-приятельски вели давно и хорошо знакомые люди. Он встречал и таких, которые развлекались тем, что придумывали себе клички, причем были гораздо более изобретательны, чем эти двое. И еще: они не вызывали у него интереса. Теперь ничто не вызывало у него интереса. Он падал в глубокий колодец, и все, что осталось позади, превратилось в смазанный сгусток болезненных воспоминаний. Солнце светило другим, небо было для других – так же, как музыка, любовь, смех и тысячи изведанных и не изведанных им вещей.

Коньяк не затуманил ему мозги, на что он рассчитывал; алкоголь только сделал его слегка заторможенным. Но Лазарь чувствовал: еще немного, и кое-кто начнет его раздражать. Раздражать настолько, что захочется проломить кое-кому голову. Он поборол искушение выплеснуть кровь в лицо Тюрьме и пока ограничился тем, что вылил содержимое рюмки в стоявший на подоконнике цветочный горшок. Задержал взгляд на растении, будто ожидал, что оно тотчас увянет, съежится и почернеет. Ничего подобного не произошло, во всяком случае сразу.

Тюрьма улыбалась так, словно знала все наперед. Ворон, наоборот, был мрачен и сосредоточен. Наверное, работал – даже когда сидел и внешне ничего не делал.

Лазарь нарочито медленными движениями прополоскал коньяком рюмку, снова опорожнил ее в горшок, после чего налил себе до краев. И выпил, ощутив не больше огня и горечи, чем уже скопилось внутри. Но, по крайней мере, ему уже стало доступно одно из преимуществ независимости – не беспокоиться о том, как выглядишь со стороны.

В некотором смысле эти двое оказались идеальными соседями на один этот вечер. Исходившая от них смутная угроза лишь едва вырисовывалась на фоне нависшей над Лазарем всепоглощающей тени. Какое-то время все трое сидели молча. Бутылка опустела на две трети. Что бы там ни было, Лазарь решил довести дело до конца. Колючее тепло подбиралось к ногам; тело вскоре превратилось в дирижабль, увенчанный не приспособленной к полету головой, словно жестяной коробкой, в которой дребезжащим эхом отдавался любой, даже самый тихий звук.

Запиликал мобильный телефон, и Тюрьма плавным движением извлекла его из незаметного кармана, просунув изящную руку сквозь золотую решетку своего странного одеяния. Разговор был коротким и завершился тем, что она

пообещала кому-то приехать через пару минут.

– Пока, мальчики, – бросила она, вставая, а затем предупредила Лазаря: – Не верь тому, что видишь. Я оставлю для тебя местечко.

После этих слов она протянула руку и коснулась его лба. Он вздрогнул – ее пальцы были ледяными и твердыми, как металл. Удалилась она так же, как появилась: ни у кого даже не возникло мысли оказаться у нее на пути. Провожая ее взглядом, Лазарь засомневался, что другие посетители этого спокойного заведения вообще ее видели.

– Кто она, черт возьми? – спросил он, потирая то место на лбу, где кожа потеряла чувствительность.

– Тюрьма, если ты забыл, – сказал Ворон, затем посоветовал: – Не бери в голову и не делай глупостей. Она ушла, но придут другие. Нам пора, надо валить отсюда.

– С чего ты взял, что мне пора?

– Началась охота. А ты и не понял?

– За кем?

– Не за кем, а за чем. За твоей жизнью.

– Это моя жизнь, урод.

Ворон впервые улыбнулся, обнажив очень белые и почти наверняка искусственные зубы.

– Думаешь, это надолго?

Что-то еще останавливало Лазаря, и он пока не решил, надо ли презирать себя за это. Он не стал бить слепого, хотя Ворон отнюдь не выглядел беззащитным инвалидом. Сам-то он уже без четырех месяцев мертвец, так почему бы этим проклятым прилипалам не оставить его в покое? Болтовня о смерти внушала ему непреодолимое отвращение. Его тошнило от вещего карканья, но он с

удовольствием свернул бы башку и сидящему внутри попугаю, если бы сумел до того добраться…

Он осознавал, что допивать бутылку не стоит, иначе можно свалиться с ног. С другой стороны, он никуда не собирался. Везде его ждало одно и то же.

Он закрыл глаза. В сгустившейся черноте висело что-то огромное, лишенное намека на свет, будто заплата в беззвездных небесах. Когда он открыл глаза, Ворона уже не было.

Лазарь посмотрел в окно. Прохожих осталось совсем мало. Лучи фар и падающий дождь. Зыбкая пелена хаоса. Белый шум во всем диапазоне, и только одна-единственная станция передавала вялый мотивчик отвращения…

Ему сделалось так мерзко, что потребовалось срочно сменить закисший воздух кафе на освежающий ледяной душ. Он встал и обнаружил, что ноги выезжают из-под него на пьяной карусели. Тем не менее он начал пробираться к выходу. На полпути его перехватил человек, в котором он с трудом узнал официанта. Если кто-то и охотился за его никчемной жизнью, то не этот хлыщ в красном жилете, который всего лишь твердил: «Уважаемый, оплачиваем счет!». Лазарь полез за бумажником и отчего-то очень ясно вспомнил, как Ворон обещал ему отсрочку платежей. Обыскав все карманы, бумажника он так и не нашел.

Вообще-то, он был аккуратен, почти педантичен в мелочах и своих привычках, и крайне редко что-нибудь терял. Еще несколько часов назад он покупал в аптеке лекарства и теперь не мог взять в толк, куда подевался бумажник. Особого смущения он не испытывал. Происходящее скорее забавляло его. О чем теперь беспокоиться? Ну набьют морду – вот самое худшее, что может случиться с ним сегодня.

Между тем официант пытался оттеснить его от входной двери, а он, догоняя уходящую из-под ног землю, поддавался круговому движению. Некоторое время они вальсировали в проходе между столиками, проникаясь ненавистью друг к другу, и Лазарь уже начал ухмыляться, гадая, чем же это закончится. Неожиданно официант сник и оказался отодвинут куда-то вбок не вполне вежливым способом, а на его месте появился огромный толстый мужчина, от которого несло одеколоном, потом, дезодорантом и всеми специями сразу. Необъятное тело было явно не по сезону облачено в легкий кремовый костюм с

выползавшими из подмышек темными пятнами. Золотой медальон, размером с пудреницу, уютно помещался где-то между нижним подбородком и грудью, и Лазарь поймал в нем что-то похожее на свое отражение, поскольку побрякушка находилась на уровне его глаз. Чтобы увидеть лицо избавителя, ему пришлось задрать голову.

Оно было хмурое, бледное, сужающееся кверху, с поросячьими глазками, приплюснутым носом и ртом, напоминающим приемную щель банкомата. Прораставшая на скальпе щетина оттеняла пару серпообразных шрамов. Генетический имиджмейкер этого красавчика постарался на славу и будто приколотил его ушные раковины к голове мощными ударами, заодно превратившими их в синеватые подобия отбивных котлет. В мочке левого уха висела золотая серьга.

За покатыми плечами монстра виднелись еще две головы, очень похожие выражением лиц на ту, что возвышалась посередине. Охрана, сообразил Лазарь, а чуть позже ему представилась возможность поближе познакомиться с двумя громилами, которые не уступали хозяину по габаритам, однако пребывали в гораздо лучшей физической форме. Разница заключалась также в том, что они были одеты в черные костюмы.

Он попытался обогнуть препятствие, но безуспешно – всюду он натыкался на брюхо с перламутровой пуговицей. Потом в поле зрения возникли пальцы-сосиски, перехваченные кольцами и перстнями. Большой и указательный с некоторой брезгливостью держали за уголок бумажник, очень похожий на пропавший.

– Ты кое-что потерял, – произнесла туша неожиданно тихим голосом, который вползал в уши, как звуковая слизь.

– Спасибо, – поблагодарил Лазарь, испытывая даже легкое разочарование оттого, что внешность бывает так обманчива, а назревавший скандальчик не состоялся. Однако разочарованным он оставался недолго. Прежде чем ему удалось поднять руку, совместить оба контура ладони с предполагаемой целью и сделать хватательное движение, толстяк разжал пальцы, и бумажник упал на пол.

Очень скоро Лазарь обнаружил, что стоять со склоненной головой и сохранять равновесие чрезвычайно трудно. Бумажник прыгал по линолеуму – почему-то вместе с узором и мокасинами большого господина. А еще через секунду Лазарь ткнулся лбом в верхнюю часть жирного живота, был отодвинут и далее оставался на ногах лишь благодаря помощи одного из громил, который без видимых усилий держал его за воротник пальто.

Толстяк подождал немного и сказал:

– Ну.

Лазарь понял, что дело приобретает гнилой оборот. Эта мысль, которая в его состоянии могла служить образцом интуитивного озарения, пробилась к нему сквозь алкогольный туман, и потому он даже не догадывался, откуда она взялась. Дергаться было бессмысленно – он и без того напоминал трепыхающуюся рыбу.

– Что – ну? – спросил он, пытаясь тянуть время, хотя и не осознавал, зачем это нужно.

– Подними, – почти ласково попросил его человек, мимические способности которого превышали уровень бульдозера, но ненамного. Поэтому Лазарь пребывал в полнейшей неопределенности относительно того, что произойдет в следующую секунду. Может, толстяк рассмеется. А может быть, нет.

Лапа громилы ослабила хватку. Лазарь выполнил наклон вперед, героически преодолевая сильную бортовую качку. Расположив зрачки параллельно горизонту, он приступил к поискам бумажника. Но, к его удивлению, на полу обнаружился кожаный мешочек с развязанной горловиной, набитый монетами, часть которых раскатилась при падении. Судя по оттенку и блеску, это было серебро. То, что монеты древние, он знал совершенно точно, хотя выглядели они так, словно были отчеканены вчера. И даже под пыткой он не смог бы сказать, откуда ему известно, что это именно римские серебряные денарии, которых он прежде никогда не видел.

Находясь в позе, не располагающей к демонстрации финансовой независимости, он ощутил стимуляцию со стороны своих больших новых друзей, которая заключалась в легком похлопывании по спине в области почек. Очередная

порция елея втекала ему в левое ухо, складываясь в слова. Их смысл сводился к тому, что он должен поднять деньги, которыми сможет расплатиться со всеми и за все. Эта весьма обнадеживающая и поданная в доступной форме информация почему-то его не вдохновила. Тем не менее, выбора у него не было. Он протянул руку и почти коснулся одной из лежавших на полу монет.

В этот момент прозрачная дверь кафе брызнула внутрь осколками стекла. Погас свет. Завизжала женщина. Где-то завыла сирена сигнализации. Лазарь воспринял это как знак – вот только не имел понятия, с чьей стороны. Пользуясь тем, что пальто сидело на нем достаточно свободно, он попятился, а затем с разгону въехал головой толстяку в живот, что было похоже по ощущениям на столкновение с обитой войлоком стеной.

Удар сверху пришелся ему между лопаток, сбил дыхание и свалил с ног. Упав на колени, он тут же получил пинок под ребра. В глазах у него потемнело по нескольким причинам сразу. В мертвой зоне, недосягаемой для света уличных фонарей, он видел только зловещее сияние денариев. Время замедлило ход. Монеты сияли отраженным, краденным светом, и на них была кровь. Пролитая только что или сотни лет назад, она не сворачивалась и казалась почти черной. Капли, тяжелые словно ртуть, падали, отсчитывая удары кровоточащих часов. А он, дурак, думал, что не поддается гипнозу. Но тут имело место какое-то другое, гораздо более сильное влияние.

Сначала чьи-то шаги отдавались судорогами смятого пространства, в котором Лазарь был отгорожен неведомой тенью от Кремового Костюма и в которое тот тщетно пытался ворваться. Наконец звуки шагов пробились сквозь похоронный звон в ушах. Из мутного раствора соткались стены и низкий свод коридора, освещенные чем-то вроде тусклого роя мерцающих насекомых. Потом исчезла и эта пародия на свет.

* * *

Лазарь оказался в подземелье, где им овладели голод, жажда и страх – настолько сильные, будто он находился здесь уже несколько суток. В этом месте все было подчинено гипнотическому ритму – он слышал шаги преследователя, которого никогда не видел и, как он подозревал, не увидит до последнего мгновения жизни. Он затыкал уши – это не помогало. Сердцебиение лишь вводило в заблуждение. Существование упростилось до предела,

установленного вырезанным из ленты времени мгновением настоящего. Шаги избавили его от воспоминаний и ожиданий.

Он был гол, покрыт коркой грязи и крови; его одолевал зуд – он раздирал кожу отросшими ногтями. Здесь не было ни пищи, ни воды. Неутомимый погонщик лишил его сна. Лазарь мог только дышать и ощупью двигаться под натиском ужаса, дующего из темноты. Но сколько бы он ни прошел, стены коридора оставались такими же, как и тысячи ударов сердца назад. Это был остов разоблаченной судьбы, от которого отсечены все пораженные гангреной возможности.

Поначалу он выл от тоски, потом куда-то улетучилась и потребность в жалобах. Даже отчаяние покинуло его, как и все слишком человеческое. Ничего не осталось. Он слизывал со стен влагу, но жалкие капли, что ему перепадали, только приближали безумие жажды.

В какой-то момент он почувствовал, как чья-то рука схватила его за волосы. Он сдавленно завизжал, однако это был еще не преследователь: шаги по-прежнему доносились из темноты – куда более жестокие, чем удары кнута. Чужая рука потянула его в сторону; он не сопротивлялся. Даже если бы остались силы, он давно утратил волю.

Он наткнулся на стену, но рука рванула еще сильнее. Он врезался головой в камни. Затем последовало еще несколько ударов – что-то заставило его биться о стену, словно испытывая череп на прочность. Лучше бы эта сила вырвала волосы… В том состоянии для него не существовало различия между самоубийством и убийством. Но сделалась ли достаточной тяга к смерти? Во всяком случае, он едва не лишился чувств. Откуда вообще взялась мысль о том, что его держит человеческая рука? Между тем хватка не ослабевала.

Невероятно, но стена поддалась первой. Он ощутил, что с каждым ударом она становится чуть мягче – а может, на камни налипла кашица из его крови, волос и мяса? Кроме шагов, которые раздавались ближе и ближе, и собственного хриплого дыхания, он не слышал ничего, никакого влажного чавканья. Голова его втягивалась во что-то вязкое, податливое, как разогретый воск… или как мозг. Теперь ему препятствовала жуткая, неописуемая смесь плоти и сознания – трясина, отпускавшая только мертвецов и спящих, а он был еще жив и, к его несчастью, это не было сном.

По мере того как Лазарь заново вспоминал себя, становилось хуже. Если бы не рука, которая протащила его сквозь таявший лед кошмара, он захлебнулся бы в переваренных остатках своей веры в возможное и невозможное. Пока он, выкидыш бесплотной клоаки, корчился от боли и тошноты, его рассудок болтался в невесомости. Не было даже эфемерной опоры, ни единой нити, за которую он мог бы ухватиться. Когда перед ним забрезжил свет, он принял это за игру воображения, последнее послабление, утешительный приз окончательной слепоты.

Глава 4. Бегство

Но то, что показалось ему долгой изощренной пыткой, для остальных промелькнуло исчезающе кратким мгновением. Возвращенный туда, откуда он выскользнул, завороженный блеском денариев, он успел понять только, что внезапно протрезвел. И тут же услышал голос Ворона: «Быстрее, кретин!» Он все еще стоял, согнувшись, над бездной убийственной иллюзии, в которой то ли гасли умирающие звезды, то ли, разбитое на брызги, застывало расплавленное серебро монет…

Кто-то снова плохо обошелся с ним, едва не выдернув волосы из многострадального скальпа. Но это заставило его двигаться. Выпрямился он уже на бегу, будто спринтер, рванувший с низкого старта. В задымленной темноте, которую прорезали красные вспышки, с трудом можно было узнать интерьер кафе, а в темной фигуре впереди – Ворона. Помещение выглядело так, словно здесь несколько недель сражались две роты оловянных солдатиков. Произведенные разрушения были мелкими, но многочисленными. Местами со стен лохмотьями свисала обшивка. Осколки зеркал и оконных стекол скрипели под подошвами.

Лазарь старался не отстать от Ворона, который безошибочно лавировал между прочими представителями перепуганного человеческого стада. Все демонстрировали понятное стремление как можно скорее покинуть кафе через образовавшиеся проемы. Кто-то громко страдал в завалах; Лазарю пришлось дважды уворачиваться – сначала от брошенной бутылки, затем от стула. Вряд ли он был мишенью; хаос казался естественным продолжением возникшего переполоха.

Улучив момент, он оглянулся. Амбалы в черном перли за ним, как два ледокола, сметая со своего пути перевернутые столы и расталкивая путавшуюся под ногами мелочь. У одного в руках был бильярдный кий. Кремовый Костюм неспешно двигался проторенным путем, сохраняя невозмутимый, даже скучающий вид. Взглянув на него, Лазарь и сам начал верить, что деваться некуда, поэтому предпочел смотреть Ворону в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dashkov_andrey/lazar-ili-puteshestvie-smertnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить